

МАКСИМ ГРЕК

«Слово о покаянии» и «Слово обличительно на
еллинскую прелесть» (перевод Д. М. Буланина)

От переводчика

Блестящие результаты, достигнутые в изучении жизни и трудов Максима Грека историографией XX в., превзошли самые смелые ожидания прежних исследователей. Уже один перечень книг и статей, посвященных афонскому философу, может дать представление о разнообразии аспектов в подходе к его биографии и творчеству (полную библиографию см.: Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека: Характеристика, атрибуции, библиография. Л., 1969. С. 218—236; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.), ч. 2. Л.—Я. Л., 1989. С. 95—98). Однако богатство библиографии не всегда говорит о научных успехах. Поэтому важно подчеркнуть, что в числе работ о Максиме Греке многие содержат подлинные научные открытия. Здесь и отождествление Максима Грека и малоизвестного итальянского гуманиста Михаила Триволиса, и обнаружение нового, более полного списка судного дела Максима, и открытие его автографов и последующее отождествление его собственноручных маргинальных глосс в ряде рукописей, и научная классификация рукописных сборников сочинений писателя. Одно из наиболее важных достижений историко-литературной науки XX в. — это публикация грекоязычной части литературного наследия Максима Грека.

Все началось со статьи Х. М. Лопарева, который обнаружил греческий оригинал послания Максима Грека князю Петру Шуйскому, известного дотоле лишь в славянском переводе. Оригинал находится в рукописи из собрания Флорищевой пустыни, датирующей первой четвертью XVII в., так что он не может быть автографом Максима, как полагал Х. М. Лопарев. Рукопись Флорищевой пустыни, считавшаяся утраченной, найдена мной во Владимирско-Суздальском музее-заповеднике под шифром В 5636/429. Открытие Х. М. Лопарева поколебало прежние представления о литературной деятельности Максима Грека, заставив предположить, что какая-то часть сочинений писателя была первоначально написана по-гречески и лишь потом им самим или его сотрудниками переведена на церковнославянский язык. В своей заметке о рукописи Флорищевой пустыни Х. М. Лопарев писал, что «исследователям не худо бы поискать в рукописной литературе XVI—XVII вв. анонимных греческих сочинений, написанных на языке византийском: может быть, что-нибудь и найдется в Греции такого, что вполне сойдется с русским переводом казанского издания» (Лопарев Х. Заметка о сочинениях преп. Максима Грека // Библиографическая летопись. Пг., 1917. Т. 3. С. 65).

Время показало основательность соображений ученого. Следующим шагом в освоении грекоязычного наследия Максима стала нашумевшая книга И. Денисова, доказавшего, что гуманист Михаил Триволис, ватопедский инок Максим Триволис и русский писатель Максим Грек — одно лицо. Это отождествление позволило исследователю атрибутировать Максиму несколько греческих текстов, относящихся к домосковскому периоду его жизни. В приложении к своей книге И. Денисов опубликовал шесть писем (Николаю Тарскому, Иоанну Григоропуло, Сципиону Картеромаху), четыре эпитафии, эпиграмму и канон Иоанну Крестителю, вышедшие из-под пера Михаила-Максима Триволиса (Denissoff E. Maxime le Grec et l'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Paris; Louvain, 1943. P. 396—420). Третьей находкой в этом ряду стоит открытие профессора Йельского университета П. Бушковича, результаты которого публикуются выше.

В рукописи Австрийской национальной библиотеки (Вена) под шифром Phil. gr. 202 П. Бушкович прочел два греческих стихотворения духовного содержания, которые он опознал

как сочинения Максима Грека, известные раньше только в церковнославянском переводе под названиями «Слово о покаянии» и «Слово обличительно на еллинскую прелесть». Открытие греческих оригиналов двух этих слов ставит перед знатоками творчества афонского философа множество новых вопросов, каждый из которых заслуживает специального исследования. Здесь придется ограничиться самым существенным. Прежде всего, следует задуматься, каково взаимоотношение двух версий текста — греческой и славянской. Рассуждая отвлеченно, мы можем представить себе по меньшей мере три варианта их связи: во-первых, Максим мог перевести стихами церковнославянский прозаический оригинал специально для некоего Макробия; во-вторых, он мог перевести собственные греческие стихи на церковнославянский язык; в-третьих, этот перевод мог быть выполнен кем-то из его сотрудников. Буквализм перевода и некоторые ошибки против греческого позволяют сразу же отказаться от первого варианта; к такому выводу приходит и сам П. Бушкович (Bushkovitch P. Two Unknown Greek Texts of Maxim the Greek // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1984. Bd 32, H. 4. P. 560). Остаются два других варианта, между которыми, при ближайшем рассмотрении, не существует непреодолимой пропасти. Прижизненные сборники Максима свидетельствуют, что он тщательнейшим образом редактировал свои тексты. Такой же редактуре безусловно были подвергнуты церковнославянские переводы греческих стихов, даже если они были выполнены кем-то другим из окружения писателя. В этом случае можно было бы говорить об авторизованном переводе.

Сделав вывод о первичности греческого оригинала, мы должны поставить вопрос о его датировке и о его связях с другими сочинениями Максима Грека. П. Бушкович полагает, что «Слово обличительно на еллинскую прелесть» имело смысл только для европейских знакомых писателя. Сам автор думал иначе, называя свое обличение язычества в ряду других полемических слов, направленных против врагов православия (см.: Сочинения преподобного Максима Грека. Казань, 1859. Ч. 1. С. 30; Казань, 1860. Ч. 2. С. 364, 371, 383). С другой стороны, Слово против эллинов открывается ссылкой автора на его обличительное сочинение против иудеев. Важно при этом, что тексты Максима, отсылающие к его «Слову обличительному на еллинскую прелесть», датируются концом 1530-х—1540-ми гг. Более того, и «Слово обличительно», и «Слово о покаянии» входят в собрания сочинений Максима Грека, составившиеся им в конце 1530-х—1540-х гг.: первое читается в наиболее раннем собрании, которое Н. В. Синицына восстанавливает в составе 12 глав, второе читается в собрании из 25 глав, которое реконструирует И. Денисов (Синицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 169—173; Denisoff E. Maxime le Grec et l'Occident. P. 72—74). Отсюда вытекают два вывода. Во-первых, 1551/1552 г. — дату, указанную в сопроводительном послании Макробию, — нельзя считать временем написания греческих стихов. По-видимому, автор отправил своему корреспонденту сочинения десятилетней давности. Во-вторых, тесная связь публикуемых текстов с другими словами Максима, составившими первые собрания его сочинений, делает правдоподобным предположение, что у всех этих произведений существовали греческие, возможно стихотворные, оригиналы.

Стихи, найденные П. Бушковичем, дают новые данные для суждений об энциклопедической образованности писателя. По нескольким цитатам мы могли предполагать и раньше, что афонский философ хорошо ориентировался в гомеровском эпосе (см.: Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты. Л., 1984. С. 16—17). Публикуемые тексты показывают, что Максим был в состоянии не только цитировать, но и имитировать Гомера, использовать гомеризмы во фразеологии, лексике, морфологии. Теперь, когда изданы два стихотворения венской рукописи, мы можем оценить свидетельство Силуана, ученика Максима Грека, о том, что его учитель умел «творити мерою, иройскы и амвийскы» (см.: Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. СПб., 1885—1895. Т. 1. С. 628). Перед нами конкретные образцы того, о чем пишет Силуан, слова которого прежде можно было интерпретировать как панегирическую топику. Мы можем довольно отчетливо представить себе, как выглядели стихи, написанные «иройскою и елегийскою мерою», которые Максим рекомендовал для экзамена «пришельцев философов» (Сочинения преподобного Максима Грека. Казань, 1862. Ч. 3. С. 287) и которые сохранились только в церковнославянских переводах (Там же. С. 288—289).

Примечательно, что, переводя стихотворения венской рукописи на славянский язык, автор (или работавший под его контролем переводчик) не пытался отразить их стихотворную природу. Это, на мой взгляд, делает бесперспективными поиски в церковнославянском наследии Максима Грека метрически организованных текстов (ср.: Петровский Н. К вопросу о статье Максима Грека «О пришельцах философах» // Русский филологический вестник. 1913. Т. 70. № 4. С. 380—384; Матхаузеова С. Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976. С. 91—100). По-видимому, афонский философ считал славянский язык непригодным для просодических опытов. В связи с этим уместно вспомнить содержание грамматических статей Максима Грека. Издавший их И. В. Ягич справедливо заключает, что «автор, говоря о некоторых особенностях или отступлениях русского языка, исключает себя из числа природных русских, правила свои он применяет к языку греческому, на русский же указывает только для пояснения» (Ягич И. В. Рассуждения... С. 600). До конца своих дней писатель ощущал себя носителем эллинской культуры. К славянскому языку, не отполированному классическими

науками, он относился с некоторым высокомерием, иногда плохо скрываемым: «Учение то, — пишет он о грамматике, — у нас, у греков, хитро зело, а не и у вас, зань же у нас философи были из начала велики и премудри» (Там же. С. 594). Отсутствие в славянской письменности со времен первоучителей каких-либо попыток метрической организации текста объясняется свойственной славянскому средневековью сакрализацией слова. Однако для «пришельца философа», каким был Максим Грек, это отсутствие служило подтверждением его мыслей о безусловном превосходстве греческого языка.

Взявшись за стихотворный перевод сочинений Максима Грека, издаваемых П. Бушковицем, я стремился передать своеобразный эффект от соединения христианского поучения с античной метрической формой. Этот эффект хорошо воспроизводит русский аналог элегического дистиха, который классическая русская поэзия закрепила за античной тематикой. Имея в виду тот же эффект, я старался по возможности сохранить сложные синтаксические конструкции, к которым прибегал стихотворец. Необходимость осмыслить часто испорченный текст заставила меня внести в него целый ряд поправок, не все из которых принял издатель греческого оригинала — П. Бушковиц; надеюсь со временем обосновать эти поправки в отдельной работе. Издатель настоял и на том, чтобы в греческом тексте была сохранена пунктуация рукописи. В заключение считаю приятным долгом поблагодарить А. К. Гаврилова, взявшего на себя труд внимательно прочесть со мной весь греческий текст и предложившего много остроумных и часто беспорных конъектур.

Героико-элегические стихи, побуждающие к раскаянию

Полно, душа, пребывать нам в беспечности и без печали,
 Разумом будто слабы, полно, как дети, играть,
 Нечего думать, что нам основательной будет защитой
 Место, не ступят куда ноги любителей жен.
 Тем, кто когда-то бежал от Египта и от фараона 5
 Мощной поддержкой Творца и с Моисеем вождем,
 Для благоверия тем было мало в стране, где нет крова,
 Десять четырежды лет кров для себя находить:
 Все потому, что они справедливую преданность Богу,
 Спасшему их от скорбей множества, не соблюли. 10
 Не перемену мест, о душа, почитают Владыку
 И не сокрытием, нет, тела под бедностью риз;
 К первому ведь устремляются полного ради безмолвья,
 Скромности ради благой выбор второго творят.
 Если ж кто, в сих преуспев, станет сызнова жертвой волнений, 15
 Будет совсем он, как пес, алчущий рвоты своей.
 Знаком наружным скорбей и для мира оконченной жизни
 Черное рублище то служит для нас, о душа,
 Учащим, чтобы себя мы навеки сочли мертвцами,
 Кои по воле своей в жизни сие предпочли, 20
 Именно — всею душой к сладострастию всякому плоти
 Чувствовать ужас, а с ним и к суете жития,
 Во благочестии жить без имений своими трудами,
 Думая, что нищета есть и корысть без числа.
 Если ж богатствами вновь, и хвалою, и пьянством, и смехом, 25
 С коими сопряжена вся беззаконная страсть,
 Мучить себя мы начнем неразумно, не будет неверно
 Совсе сказать, что двойных мук удостоимся мы,
 Так как сознательно и добровольно свое соглашеньё
 Мы разорвали с Христом. Может ли быть что страшней? 30
 Сказано: «Лучше платить, никаких обязательств не взявши,
 Чем, обещание дав, Бога затем обмануть».

«Ты уничтожишь всех тех, кто лукавые речи заводит», —
Богом прославленный сей так восклицает отец.
35 Не переменою мест и не наших одежд переменной,
Как я сказал, ублажен будет Владыка Христос,
Но к добродетели всякой и к жизни святой возвращеньем,
Лишь бы на вере одной прочно стояли они.
40 Ныне, когда ты, душа, спасена благодатию Божьей
И не погибла вполне в сетях обманчивых чувств,
Силою всюю потщись от того, кто обманами правит,
Бешено кто без конца рвется тебя сокрушить,
Прочь убежать, во Владыку благой и разумною верой,
45 Равно и страхом пред ним, будучи защищена.
Не уставай же его ты спасаться, доколь не увидишь,
Мощной десницей Творца как он погружен на дно
Пропasti, пышущей жаром, совместно с полками своими
Латников, сильных бойцов, и боевых колесниц.
50 Здесь ты увидишь себя Параклитовым облаком скрытой,
Зной остужающим тот лютый, который всегда
Плоти лишенный твой враг поднимает из собственной бездны
Самых гнуснейших страстей с помощью дум огневых,
Узришь себя ты столпом не огня, но блестящего вечно
Света ведомой к земле, отданной Богом в удел,
55 То не земля, что Навин разделил Авраама потомкам,
Землю сию сам Господь, раньше всей твари кто был,
Кто красотою цветет сыновей человеческих ярче,
Чистою кто и святой в свет был Девицей рожден,
60 Нелицемерный Христос Иисус обещаьем нам отдал,
Сам в эту землю вступив первым и смерть растерзав.
Трезвость блюди же, душа! Ведь гонящий тебя не оставит
Мысленный сей фараон тайное зло замышлять.
Нет, дорогая, надежды, что вдруг передышка наступит
65 В изобретеньях его разных засад для тебя;
Ибо завистлив есть он по природе и дерзок, и злобу
Не утолит он, пока в муки не ввергнет тебя.
Также не верь и в его отступление, ибо в то время
Страшным коварством своим легче поймает тебя.
70 В эту ловушку злодей завлечет, доказав совершенно,
Будто защите твоей сильной пора отдохнуть.
Сам же, когда обнаружит, что ты обленилась, внезапно
Бросит из многих одну смертную в душу стрелу
Или не пустит тебя из губительных из самомнения
75 Двигаться смело вперед к лучшим из доблестей всех.
Ум ведь лукавый, весьма злодеянья придумывать склонный,
Знает, что, трезвость блюдя твердо, мы пользу одну
От искушений получим, которые он нам наводит,
Милостью Божьей с небес будучи укреплены.
80 Если ведь трезвенны мы, наведеье на нас искушений
Светлые чести венцы право дает получить,
Так же для славы земной и борцу в состязаньях пристало
Мериться силой с борцом, благоискусным в боях.
Если же помощь придет, о душа, от Спасителя свыше
85 И фараоновых рук губящих ты избежишь,
То, через красную глубь огнедышащих жал перешедши,
Посуху, а не водой, как нам Писанье гласит

- В символах, также едой подкрепляясь одной лишь простейшей,
 Передвигаясь пешком, а не на гордом коне,
 То есть дурною всегда и не стоящей вовсе вниманья
 Искренне мысля себя, а не в речах лишь одних, 90
 Уединясь, ты шатер у Синайской горы свой раскинешь,
 То есть на якоре встать в пристани сможешь святой
 Многовостепого и изливающего миро бесстрастья,
 Любит ведь больше всего оно Дух пресвятой.
 Жалкая, остерегись, да и ты, как народ неразумный 95
 Древний, себя не предашь пьянству, разгулу пиров
 С плясками вместе, чтоб ты, окончательно разум утратив,
 Вещи священные все, ими же ты дорожишь,
 Не погребла в животе и ему не служила, как богу,
 Богу желудка, как те древле служили тельцу, 100
 Чтобы в грядущих веках ты божественных благ не лишилась,
 Как и они той земли, что обещал им Господь,
 Чтоб не была предана ты мученьям, терзающим вечно,
 Пуще неверных людей, кто до закона здесь жил.
 Но если вправду ты любишь Христа, своего господина, 105
 Кто себя смерти предал ради тебя на кресте,
 Силою всю тогда поспеши сей божественной страсти
 Пламя, усердьем горя, в сердце своем заключить.
 Ты по-другому сего не достигнешь, лишь если всецело
 К плоти порывам своим ненависть злую вскормишь; 110
 Их ненавидеть же ты не сможешь иначе, как если
 Страх перед Господом сил в сердце своем утвердишь;
 Страх тот ты сможешь стяжать, если только сомненья отбросишь
 Всякие прочь, прекратив мудрой себя почитать.
 И, как младенец проста, ты вослед своего господина, 115
 Знаком внимая его, двинешься смело вперед.
 Так же закона всего исполненье в любви происходит,
 Как добродетелей всех вера в основе лежит:
 Верую страх порожден, ну а им выполненье велений,
 Соединяет оно с Божьей любовью наш ум. 120
 К сей же поднявшись, считай себя прахом и мудрствуй смиренно,
 Чтоб от божественных слов вечную радость вкушать.

[Слово обличительно на еллинскую прелесть]

- После того, как уже мы пособием Божьим сломили
 Зла иудейского пыл, поднятый против Христа,
 Вот, наконец, мы, о гнев, обратимся на эллинов скверных
 Злоизмышления и языкоблудие их.
 Ибо не менее тех христианскую славную веру 5
 Нашу стремятся они стрелами брани пронзить.
 Если же спросят их кто, почему всесвященную веру
 Столь ненавидите вы и предаете всегда
 Смеха лишь ради скорбям — оплеванью, глумленью, ланитной
 Боли пощечин, кресту, смерти славнейшей на нем, — 10
 Нас они бранью встречают, ругаясь над Богом, как будто
 Крайнюю слабость его думают нам показать.
 Жалкий воистину род и безумный: они ведь не знают,
 Что, чем усердней они славу и силу его

15 Тщатся сокрыть, тем верней против собственной воли являют,
Сколь всемогущий сей наш есть бесконечно Господь,
Страшный, всесильный и мудрый всех паче. Пусть даже он вынес
Муки позорные и с ними бесславную смерть,
Все ж почитаемых ими и славных премного богов их
20 Высокомерие, спесь, также по миру всему
Идолобесие и прорицалища был истребить он
В силах, и это без войск множества и без бойцов,
Не омрачающим разум испугом и ложным знаменьем,
Не громовыми разя стрелами с грозных небес,
25 Действуя кроткими лишь поучениями и словами.
Так совершениями множества страшных чудес
Всех из предательской тьмы кумирслуженья он вывел
На необманчивый свет собственной веры своей,
Вывел, не славу в миру этом брэнном, не роскошь и негу,
30 И не другие плоды радостей жизни земной
Им обещаая, но ты, поразмыслив, поймешь, что, напротив,
Скорби мучения и ужасов всяких снега
Предвозвещает он им, а наградой за это и платой
Будет божественное вышнее царство небес.
35 Если захочешь, найдешь ты бессчетные толпы по миру
Разноплеменных людей, кои, взыскуя того
Царства, стяжания все оставляют свои иль в пустынях
Благочестиво к концу путь своей жизни стремят,
Иль, многократно приняв из-за благодостной веры обиды,
40 В разных мученьях в другой переселяются свет.
Жил ли от века средь вас кто-то сильный настолько — ваш бог ли,
Законодатель-мудрец, ритор ли, властный ли царь —
Кто бы свершить это мог меж своих соплеменников даже,
Смог их переубедить, чтобы они отрелись
45 Радостей жизненных всех, чтоб от смерти самой дерзновенно
Радость вкушали, ища мук ради веры благой?
Ни одного не найдешь, потрудившись немало: такого
Мудрости смертных и их мужеству ввек не достичь.
Бог же распятый тотчас, поспешением только немногих
50 И неученых мужей, в мире такое свершил.
То удивленья достойно превыше всего, что гонима
Неумолимо везде злыми врагами и что
В многоятежных волнах еретических, им же числа нет,
Морем носимая и в бездну влекома его,
55 Неколебимо стоит наша чистая вера, подобно
Камню, простертому ввысь иль неподвижной горе:
Гнавшие тяжко ее ненавистные Богу злодеи
В скверных делах до конца жизни лишились своей.
Если ж поистине ты возлюбил пресвященную мудрость,
60 Если судьбой наделен ясным и трезвым умом,
Если другие глаголы тебя убедить не способны
Брань нечестивую, ты болен которой, смирить,
Пусть хоть падение и всеконечная общая гибель,
Их же великими мнишь, ненастоящих богов,
65 Также народов земли обращенье от идолов скверных
К светлости веры благой по Иисусу Христу
К мысли тебя приведут о распятого непобедимой
Силе, заставив от свар всяких навек отступить.

Здравым умом рассудив, ты не будешь считать униженьем
 И оскорбленьем его муки, что вынес Христос, 70
 Но всеблагото Творца обличающим разум решением,
 Выше намного оно смертного слов и ума.
 Кроме того, ты учти по возможности трезво и здраво,
 Что, если даже в самих муках, которые он
 Принял от вас, и в самой удивительной смерти и вольной 75
 Столь необычное он в мире содеял тотчас,
 Ясно, что в силах вполне он одним мановением Божиим
 В мире во всем без труда те же дела совершить.
 Если, томясь на кресте, потрясать он мог всю землю,
 Если затем среди дня солнца полуденный свет 80
 В непроницаемый мрак обратил и утесы разверз он,
 Если лежащих в гробу издавна он воскресил,
 Много скорее он мог бы, всесильным Владыкой являясь,
 Лишь мановеньем одним Божиим нечестия тьму
 Мрачную идольских служб обратить от гибели верной 85
 В неугасающий свет истинной веры своей,
 Души же смертных людей, умерщвленные горечью яда
 Змеем, начальником всей злобы, коварства и лжи,
 Духом своим оживить, из глубокой как будто могилы
 Неблаговерных их треб идольских к жизни подняв. 90
 Разве такое по всей не свершил он земле чрез немногих
 И неученых мужей благопристойно весьма?
 Стало понятно им, что он воистину Бог всемогущий,
 Кто и не молний огнем, и не полками бойцов,
 Также не ложью чудес и не ужасами исступленья 95
 В страхе повергает людей или их силой влечет,
 Но кто одной лишь святой добротой и радостью к свету
 Собственной веры своей всех призывает идти.
 Сердцем открытым без зла вы его цельбоносные муки
 Будьте готовы принять, словно лекарства больной, 100
 Кто, если даже они не по нраву ему, их не смотрит
 И не отвергнет, свои силы желая вернуть.
 То же явите в себе вы самих послушание Богу,
 К тленному кое врачу сей проявляет больной.
 Ведомо будет тогда, во кресте каковая есть польза, 105
 Что он утеху дарит, равно и святость несет
 Верящим душам людей, указуя при этом, насколько
 Будут в почете они у миродержца Творца,
 Славы превышней зарей навсегда осиянными ставши 110
 И преисполнившись ввек не истлевающих благ.
 Ибо и сила в тот крест, и Господняя милость вложилась,
 Чтобы одною из них радость и святость он дал
 Благочестивых душе, а другую к борьбе непрестанной
 С плоти лишенным врагом смелыми их сотворил. 115
 Вооружилися им все соборы святых для пустынной
 Жизни, а с ними полки мучеников без числа,
 Первые — плоти прыжки и стоящие всюду лукавых
 Клеветников западни быстро смогли избежать,
 Ныне они во дворах проживают с небесными вместе 120
 Духами, их же они жизнь на земле провели,
 Те же, кто в вечной войне за гонимую веру благу,
 Пламени, острым мечам, тысячи всяческих мук

Давшие тело свое, — таковые не схвачены были
 Страхом, но превозмогли гнев нечестивых людей,
 125 Кровию собственных жил одинаково всех убеждая
 Богом всевышним того и человеком считать,
 Кто на кресте был распятым, хотя и позорную гибель
 Крестную он претерпел плотию смертной своей.
 Так что не скудости сил указанием, но признаком явным
 130 Мощи бескрайней Творца крест этот может служить,
 Как и травую лечить отвратительной самые злые
 Язвы — науки есть знак необычайной врача.
 Если ты не убежден и по-прежнему смехом встречаешь
 В диком безумье своем все, что священно для нас,
 135 Это не диво: глупцу ведь премудрое чуждо ученье.
 Мудрость данайцев гласит ваша до нынешних дней:
 Рака нельзя научить продвигаться когда-либо прямо
 И чернокожего лик белым не сделать мытьем.
 Точно как эти, и ум беззаконного идололюбца,
 140 Кто веселится в делах мерзких своих и страстях,
 Просто уже никогда со святыми не соединится
 Догмами веры благой, их же уставил Господь.
 Веру вместите же вы христианскую в разуме вашем
 И о верховном Творце догмы святые во всем
 145 Тщитесь познать до конца откровенной и чистой душою,
 Злые насмешки свои дальше из сердца изгнав.
 В догмах тех нет ничего непристойного или дурного
 Иль заслужившего смех всяческий и неприязнь:
 Это не Зевс, от любви обезумевший и превращенный
 150 В лебеда, в желтый поток золота или в орла,
 Чтобы чужую жену он возмог погубить, утаившись,
 Отрока чтобы себе как виночерпия взять;
 Иль из своей головы светлоокою деву родивший,
 Острым когда был разбит череп его топором;
 155 Или же с молниями на Семелу сошедший и взявший
 Плод свой из пепла ее, чтобы в бедро себе вшить;
 Это опять же не Феб длиннокудрый, играя, убивший
 Диском неволью того юношу, что он любил;
 Не из-за яблока свару начавшие это богини,
 160 Иль с Афродитою блуд мерзкий творящий Арей;
 Это не боги, войну меж собою разжегшие сами,
 Кои друг в друга копье острое тщатся метнуть;
 Или другого чего вообще столь противного Богу,
 Кажется, ты не найдешь в догмах святых христиан.
 165 Триипостасный лишь Бог воспевается ими единый,
 И без начала он есть, и вообще без конца,
 Он, Вседержитель Господь, утвердивший все и не забывший
 Думать о тварях своих, видны они или нет,
 Милости полный ко всем, самый мудрый, благой и пречистый,
 170 Свет, и стремленье, и жизнь, и без предела любовь,
 Кто ненавидит весьма беззаконных, безбожных, неправых,
 Жадных, песивых и всех блудников гнусную жизнь.
 Их предает он судом на жестокие муки дракону
 Или огню под землей, что не погаснет вовек.
 175 Благочестивых же он похваляет, и всю добродетель
 Любящих, и ко слезам бедных отверзших свой слух, —

Им он награду дает после смерти за их добродетель,
 Жителями указав быть на своих небесах,
 Где освещает всегда их божественный свет многославно,
 Где они полны его неизрекаемых благ, 180
 Око ж на них никогда не смотрело, и им не внимало
 Ухо, и ум вообще смертных представить не мог, —
 Все это там, где царит и веселие Божье, и радость,
 Где вечноюная жизнь, мудрости вечной любовь.
 Мы не одни, о мужи, говорим эти вещи, но сами 185
 Первые, кто среди вас ваших наук знатоки
 Догматы и о самом Вседержителе, и о грядущем
 Праведном Страшном суде, и о мученьях в аду
 В мыслях своих обрели и писанью навеки предали,
 Хоть не могли обо всем тут догадаться вполне. 190
 Точно ведь так же Господь не лишен ему единосущных
 Духа и Слова своих, через которых он всем
 Правит, как не лишено теплоты и луча это солнце,
 Как человечесьей души нет без словес и ума.
 Как ведь мы верить должны, что Господь в существе есть единый, 195
 Так нам пристало учить, что он по лицам тройной,
 Что разделяется он ипостасями неразделимо
 И без смешенья одним делается существом,
 То и другое причем — разделенье и соединенье —
 Оба превыше людских всяких словес и ума. 200
 И уповаемое состоянье благое по смерти
 Вовсе не в душах нагих следует нам представлять,
 Не под землей на лугу, на котором растет асфоделий,
 Как Каллиопа в своих баснях повсюду гласит,
 Но как устроил своей Вседержитель то властью — в самых 205
 Землях небесных высот, где вожделенный Эдем,
 Души умерших опять мановеньем божественной воли
 Дивно срastaются там с собственным телом своим,
 Поднятым вновь из земли — несогнившим и светлым, в то время,
 Сшедши владыка Христос с неба вершин до земли, 210
 Будет всех смертных судить, по достоинству каждого меря,
 Глядя, благих или злых больше он дел совершил.
 Кроме того, достоит нам всем сердцем настойчиво верить
 И одновременно вслух дерзко устами твердить,
 Что милосердный Господь и над миром единый Владыка, 215
 Кто бесконечной своей благостью только одной
 Сущее все в бытие привел из не бывших на свете,
 Спас наш воистину есть, ибо он силой своей,
 Род злополучный людей пожалев, без порядка живущий,
 Страждущий в тысячах бед происком дьявольских слуг, 220
 Гибнущий также вконец в беззаконных делах и нечистых
 Похотях, словно сие стадо немое скота,
 Единородного Сына послал своего, Бога Слова,
 Равного сущностью и силою Божьей ему,
 Выслал на помощь его человечесьему жалкому роду, 225
 Чтобы он всякое снял бремя нечестия с них
 И чтобы их, удалив от кумирслуженья, направил
 К знанию истины и на благочестия свет.
 Ибо пристало весьма, чтоб от гибельных вражеских козней
 Разных обманов в плену ждущее жалкую смерть 230

Божье подобие то не оставлено было, но делом
 Благодати крайней самой Господа воскрешено.
 Если ведь то, что дано многославное в сущих на свете
 Для наслажденья, еды, язв врачеванья, красы
 235 В землях и водах во всех, и в морях, и в озерах, и в реках,
 Солнце и месяц в ночи, звезд на поднебесье сонм,
 Дождь, в нем же тучность земли, и погоды умеренность также —
 Если все это благой людям устроил Господь,
 240 Чтя в них подобье свое и весьма возводя их премудро
 Чрез сотворенный им мир к знанью Творца и любви,
 Ясно должно быть вполне, что имуществом самым почтенным
 Тот есть, из праха кого сам он сложил и души.
 В оное время, когда повстречавшийся с завистью черной
 Беса губящего и многим числом кознодейств,
 245 В неблагочестия грех сотворенный им впал, поскользнувшись,
 Не утерпел здесь Господь, при смерти видя его,
 Но как отец умилиась в состраданье своем несказанном
 И в милосердьи души — сколько же Божьей любви! —
 На разыскание он своего обратился творенья,
 250 Образ естественный наш сам на себя восприняв,
 В нем же прожив свою жизнь святолепно и без укоризны,
 Над предводителем зла и всегубящей вражды
 Трижды победу стяжал, искушенью им преданный трижды
 255 Тройкой родителей злых гибельных самых страстей,
 Алчностью чрева сиречь, вожделением к славе и злату,
 Ими же чаще всего смертные ловятся в плен.
 Собственным ученикам завещав свои тайны благие
 Богопознания всего и благочестья без лжи,
 260 Также уставы святой наиболее и досточтимой
 Жизни хозяйской рукой им как законы предав,
 Коих оружием они укрепившись, легко одолеют
 Змея коварного, что вечно преследует их,
 И, добровольно вкусив для людей уготованной смерти,
 265 И благоверных из тех, кто заключен был в аду,
 Вместе с собой воскресивши божественной силой из мертвых,
 Ввел их вослед за собой в свой вожделенный Эдем.
 Сам же он, на небеса устремившийся с плотию вместе,
 Смерть победивший и ад весь разоривший навек,
 270 Ныне сидит у Отца на престолах его одесную,
 Чаюя оттуда его к нам появиться судьей.
 Вот каковы они суть, о мужи, наибольшие наши,
 Если их кратко исчезь, догматы веры в Христа,
 Их слова не хитры, они писаны ясно и просто,
 275 Правдой же светят они ярче, чем солнце, стократ:
 Сам ведь источник щедрот и блаженства Господь наш, желая,
 Чтобы все люди равно, умны они или нет,
 Пользу снискали себе своему соразмерно рассудку,
 Дал разрешение, чтоб просто писалось то.
 280 Так что над сей простотой наших книг ядовито не смейтесь,
 Что не Кекропса людей писаны слогом они,
 Но, недвижимую их и святую, достойную славы
 Вышнюю мудрость без лжи и справедливость самую
 Благоразумно узнав, прославляйте того, кто на пользу
 Смертным в своей к ним любви всем управляет в миру.

- Вовсе не в том, чтобы быть словесами красивыми полным
И с языка своего сладостный звук изливать, 285
- Или же произносить изречения умные славных
Древних мужей — ни в одном этом премудрости нет:
Вместе ведь с жизнью все эти вещи кончаются вкупе,
С радостью прочею здесь недолговечной равно. 290
- Но с таковыми стяжать наряду подобает и веру
Правую, приобрести нрав досточтимый и жизнь
Славную, скромностью то есть одетую и послушаньем,
Кротостью духа святой, как и смиреньем ума, —
Это есть счастья предел, совершенство блаженное это, 295
Это способно связать с верхом стремления нас,
Кого нам не достичь по-другому, лишь только любовью,
Вечно кипящею в нас, к Божией вере благой,
Также стяжанием лишь добродетели всякой и жизни
Честной, вознесшихся ввысь твердо на вере одной. 300
- Веру сию, о мужи, обрести постарайтесь, любую
Гордость отбросив свою дальше из вашей души,
Гордость, которая в вас укрепилась данайским ученьем,
Тем, что к Эребу ведет и преисподней реке.
Если и кажется, что о достоинстве всяком искусно 305
Учит оно и притом нравы к согласью ведет,
Скверным, однако, своих поведением богов то ученье
Увещевает любить зло откровенное все:
Ведь указывает оно, что об отроках и о супругах
Бесятся боги чужих, как мы сказали уже, 310
Что в поединках, войне, что в убийствах и разных коварствах
И винопитии злом радость находят они.
Разве, ответьте, мужи, не такими плохими вещами
Книги наполнены те, кои столь славны у вас?
Если изящество и обольстительность словоплетенья 315
Кто-то из оных сотрет и устранил далеко,
Грязью зловонной весьма наиболее чтимые станут
Книги мужей, что у вас с Музами дружбу вели.
Видя различного зла таковые примеры, как кто-то
Будет с достоинством и скромно когда-либо жить? 320
Ибо не чает того совершенно он, кто за пустую
Жизнь его будет судить: славные боги его,
Кои такие дела совершили, ведь в гимнах поются
Всех знаменитых у вас с Музами дружных мужей.
Так что лишь гордость одну безграничную ваша премудрость 325
В душах способна рождать немлющих слову ее
И убеждает весьма полагать их, что тщетная слава,
Слава людская, им есть высший блаженства предел.
Должно всегда поспешать развлекаться любыми путями —
Так вопиет твой Хрисипп и вместе с ним Эпикур. 330
Без исключений почти все мужи многославные ваши,
Лишь красноречьем одним гимны священной сложив
Доблести, сущность свою проявляют в своих сочиненьях,
Ими же сеется весь несправедливейший грех.
Есть и такие средь них, кто в любви потеряли рассудок, 335
Так что в безумье страстей псы растерзали иных,
Есть и другие — творцы, кои силою всею стремятся,
Чтобы в писаньях своих им до потомков дойти.

Истинно жалки они и безумны, поскольку в наследство
 340 Силу невежества их велеречивую всю
 Как образец для любой окаянности дали потомкам.
 Лучше в неведение им было бы путь до конца
 Жизни своей совершить, чем, постигнув различные знания,
 Учителями прослыть самого тяжкого зла:
 345 Так как своими всегда сочиненьями смертных без счета
 В пропасть подземную мук вечных толкают они.
 Славно и славно весьма умудрить свою душу наукой
 И постиженьем вполне мудрости жизни святой:
 Но подобает при сем запастися и праведной верой
 350 И в украшенье облечь нравов почтенных себя —
 Не для того, чтоб стяжать у людей похвалу и признание,
 И не для славы пустой, и не для жажды богатств,
 В чем преуспели весьма все плохие и праздные люди
 В рабстве у славы пустой и своего живота,
 355 Но только ради самой настоящей и непреходящей
 Славы и ради одних ждущих впоследствии благ.
 Это достойная цель для любителя мудрости правой —
 В соединенье ему с верхом стремления быть
 Не через басней гнилых и старухам приличных познание
 360 И бесконечных речей академический вздор,
 Но повелений Творца добросовестным самым храненьем
 И не причастной ко злу мудростью кроткой души,
 Также святой чистотой и блаженным смирением нрава
 И полнотою любви искренней к смертным ко всем,
 365 Чем по подобию его сотворенный Господней рукою
 К первоначальной своей славе поспешно взойдет.
 Платой же служит за то не улада короткая смертных,
 Но похвала у Творца, что не имеет границ,
 Божией также самой благостыни предел — наслажденье
 370 В собственных землях его, выше лежащих небес.
 Так что пустого вполне кекропидского многовитийства
 Очарованием в плен взятые попусту, мы
 Да не останемся впредь в темноте непроглядной злочестья,
 Но, пребывающий в ней Богу противный обман
 375 Возненавидев душой, на взыскание да устремимся
 Не изменяющей нам правды евангельской всей,
 С помощью коей познав безначального и всеблагого,
 Вечного и одного Господа Бога Творца,
 Перед лицом его ниц на земле распростершись, в молитве
 380 Крикнем: «К рабам своим век милостив будь, Государь!»

Макробию, многоизвестному любителю всей священной мудрости,
 Максим, хотя он скорее наименьший, чем наибольший, который некогда
 был жителем Эллады, а ныне стал гиперборейцем, приветствие во Господе.
 Получив этот малый, с любовью выполненный труд, исправь его в том,
 что кажется ошибочным. А исправленное тобой пусть не предается, прошу
 тебя, глубинам забвения, но пусть станет известным и другим любителям
 добродетели. И если не всех, то, может быть, хотя бы некоторых отвлечет
 оно от их чрезмерного к эллинской болтовне пристрастия, которым они
 больны до изнеможения. Будь здоров, возлюбленный друг и брат во Господе.
 7060 г. Из города Москвы, царствующего над всей святейшей Россией.